

брать из них все сведения, касающиеся соборов, и расположить их в хронологическом порядке. Безусловно также, что ряд свидетельств Синодика был заимствован из утерянных ныне сочинений и поэтому представляет первостепенный интерес. Сам же памятник с его стремлением к систематизаторству и полноте следует, видимо, рассматривать в русле того течения в византийской культуре, которое вслед за П. Лемерлем принято именовать энциклопедизмом и к которому относятся такие крупные литературные явления, как «Библиотека» Фотия и трактаты Константина Багрянородного. Об авторе Синодика нельзя сказать ничего определенного. Время написания произведения определяется между 887 (*terminus post quæ* — упоминание восшествия на патриарший престол Стефана I) и 920 гг. (*terminus ante quæ* — отсутствие упоминания церковного собора этого года). Впрочем, издатели склонны относить создание сочинения к началу упомянутого срока, а также вполне основательно предполагают наличие у его автора антифотианских тенденций. Вывод этот делается на основании последних четырех главок Синодика, где коротко повествуется о карьере Фотия.

Текст издан с учетом 15 рукописей XIV—XVI вв. Их предположительная стемма приведена в предисловии. Большое число списков позволяет во многих случаях установить надежное чтение; поправки в текст издатели вносят только в необходимых случаях, главным образом там, где предполагают ошибки переписчика архетипа. В приложении (Appendix 2) целиком воспроизводится текст поздней переработки памятника, сохранившийся в двух рукописях (так называемый SV²).

Английский перевод, насколько можно судить неанглоязычному читателю, вы-

² Hefele K. J., Leclercq H. Histoire des Conciles. P., 1907—1952. Vol. I—VIII.

P. Schreiner. Die byzantinischen Kleinchroniken (*Corpus fontium historiae byzantinae*, vol. XII). Wien, 1975—1979. T. I—III.

В 1967 г. в серии, издаваемой Институтом византиноведения и новогреческой филологии Мюнхенского университета, была опубликована диссертация тогда еще совсем молодого западногерманского ученого П. Шрайнера, посвященная малым византийским хроникам¹. Небольшое по объему исследование отличалось обстоятельностью и методичностью, выдававшимися в авторе наследника лучших традиций немецкой историко-филологической науки и заставлявшими предполагать в нем намерение продолжить изучение материала и, по всей вероятности, заново издать малые хроники. Существовавшие до тех пор издания явно не удовлетворяли современным требованиям, а сам материал хроник еще не находил достаточной оценки и очень мало исполь-

¹ Schreiner P. Studien zu den ВРАХЕА ХРОНИКА. München, 1967.

полнен точно и даже с определенными буквалистскими тенденциями, что вполне оправданно, когда речь идет о памятнике, не претендующем на художественную ценность.

Издание, предпринятое по инициативе Ф. Дворника, просмотренное и отрецензированное профессорами И. Шевченко и А. Вестеринком, выполнено в полном соответствии с современной эдической техникой и, как это декларируется уже на титульном листе, с правилами, принятыми международной комиссией по изданию источников по византийской истории. Подстрочные примечания к тексту дают самые необходимые пояснения, авторы нигде не углубляются в спорные проблемы, предпочитая давать ссылки на уже имеющуюся литературу, главным образом на восьмитомную «Историю соборов» и книги Ф. Дворника.

Наибольший интерес в комментарии представляет выяснение источников сведений компилятора. Список писателей, сочинения которых использовал автор Синодика, приводится в предисловии: среди них — Евсевий, Феодорит, Феодор Цтец, Феофан и др. Возможно только, что комментаторы слишком категорично объявляют многие сведения Синодика, не подкрепленные свидетельствами других источников, «подозрительными» (*suspicious*) или даже «чистой выдумкой» (*pure fiction*). Более детальная оценка исторического значения сведений Синодика, а также способа работы анонимного автора была бы желательна и в комментарии, и в предисловии. Точно так же, видимо, можно было бы подробнее, чем это сделано в указателе, расшифровать значение ряда терминов и имен — ведь наличие английского перевода делает книгу доступной не только для специалистов-византинистов.

Надо полагать, что критическое издание Синодика позволит значительно шире использовать этот памятник в научных изысканиях.

Я. Л.

звался в научных публикациях². И действительно, не прошло и восьми лет, как появился первый том подготовленного П. Шрайнером издания, которое ныне уже закончено полностью и осуществлено в рамках венской серии «Корпуса источников по византийской истории».

Это издание — и не только по своему объему — не укладывается в рамки, установленные для упомянутой серии. Помимо исследования в форме «введений» к первым двум томам (они частично повторяют, а частично и углубляют выводы, сделанные еще в «Studien...»), публикация содержит большой исторический и филологический комментарий и перевод от-

² Следует отметить, что, начиная с 1962 г., несколько статей, посвященных малым византийским хроникам, опубликовала советская исследовательница З. Г. Самодурова.

дельных хроник на немецкий язык. Исторический комментарий и перевод необыкновенно расширяют круг лиц, к которым обращено издание и, помимо византинистов, им могут пользоваться медиевисты-западники, славяноведы, востоковеды и все другие историки и филологи, круг интересов которых пересекается с византиноведением. Не говорим уже о том, что перевод дает столь необходимое толкование греческого текста, сделанное его лучшим знатоком — издателем. Отсутствие переводов на европейские языки — существенный недостаток некоторых других томов корпуса.

Исследование не «приятное добавление» к изданию, а его необходимая часть, поскольку, например, даже сам принцип отбора материала для публикации, т. е. вопрос о принадлежности или непринадлежности того или иного сочинения к Малым хроникам, нуждается в обосновании и объяснении. Следует в этой связи отметить, что проблема жанра Малых хроник, как собственно и всей византийской исторической литературы, не так проста, как кажется с первого взгляда. П. Шрайнер полагает, что, хотя хроника и не имела литературного значения (*nicht literaturfähig*), тем не менее представляли собой особый литературный *genus*. Между тем уже из приведенного автором материала (т. II, с. 38—40) явствует, что сами византийцы их в таком качестве не рассматривали — ведь произведения эти именуются *χρονογραφικόν*, *χρονογραφίον*, *χρονογραφία* и даже *ιστορία*. Верхних и нижних границ у этого «жанра» не было. Наиболее подробные из Малых хроник ничем, кроме размера, от византийских «больших» хроник принципиально не отличались, а наименее подробные из них, относимые П. Шрайнером к типу *Kaiserchronik*, не имели никаких отграничительных признаков — опять-таки кроме размеров — от простых списков — перечней императоров. Более того, принцип построения и литературного функционирования Малых хроник ничем практически не отличает их от того ряда византийских исторических сочинений, которые вслед за К. Крумбахером стало принято именовать хронографиями (в отличие от историй!). И те и другие не являются законченными произведениями, а представляют построения или перестроения из готовых элементов (*Bauelemente*, по определению самого Шрайнера), их форма постоянно «текуча» и находит только относительное и временное завершение в отдельных реакциях или изводах. Говорить поэтому об особом жанре Малых хроник (сам этот термин — создание нового времени) можно только условно. Собственно П. Шрайнер сам устанавливает его границы и при этом скорее пользуется удобными для себя критериями отбора произведений к изданию, нежели имманентными отличительными признаками постулируемого «жанра».

В связи со сказанным хочется сделать еще одно замечание. Малые хроники или являются «анналами» феофановского типа, или представляют тип «императорских хроник», известный нам по сочине-

ниям Георгия Монаха или Псевдо-Симеона (в этом смысле П. Шрайнер неточен, определяя все Малые хроники как *Kurz- oder Kleinannalen*)³. И те и другие в «большой историографии» исчезли относительно рано: анналы прекратили свое существование вместе с Феофаном, императорские хроники просуществовали дольше, но жанр их после Продолжателя Феофана преобразился до неузнаваемости. А вот в «малой хронографии» и анналы, и «императорские хроники» сохраняются до послевизантийского времени. Таким образом, когда жанр перестает удовлетворять новым потребностям и вкусам, он не исчезает, а как бы продолжает свое существование на литературной периферии.

Само издание осуществлено на основе четких методических принципов. Все произведения разделяются на хроники имперские (преимущественно освещаются события общегосударственные и константинопольские), императорские (приводятся даты правления царей вместе с главнейшими событиями царствования), региональные и городские (излагаются события ограниченного географического региона), хроники о тюркских завоеваниях (эта весьма многочисленная группа выделена в отдельный раздел), «изолированные» хроники и, наконец, фрагменты хроник. Публикация каждой хроники снабжена небольшим введением, содержащим все необходимые сведения о рукописной традиции, изданиях, хронологии и т. п.

Что касается реального комментария, то он выделен в специальный второй том, имеющий для историков-медиевистов особый интерес. Прежде всего он построен по оригинальному, но, видимо, единственно возможному в данном случае принципу: комментируется не каждая хроника целиком, а отдельные их статьи и сообщения, расположенные в хронологическом порядке от 312 до 1771 г. (!). Издатель как бы мысленно строит единую «малую хронику», охватывающую период всей истории Византии и некоторого времени после ее гибели. Теоретическим оправданием такой операции служит, конечно, «разъемность» Малых хроник на элементы, о которых уже говорилось. В то же время такое построение дает специалисту возможность легко найти и извлечь из источника нужные ему материалы и сведения.

В каждом историческом памятнике, как известно, надо искать только те сведения, которые он по своему характеру может дать. В Малых хрониках нет свидетельств по социально-экономической истории, нет указаний на какую-либо

³ Щепетильный в выборе терминов издатель обозначил целую серию Малых хроник как *Kaiserchroniken*. Этим же понятием характеризуются в научной литературе и «большие» хроники (Малалы, Георгия Монаха и др.). Считаем такое совпадение терминологии обоснованным, но в этом случае не следует настаивать на жанровом отличии «большой хронографии» от «малой».

причинную связь явлений, однако для датировок, выяснения отдельных исторических фактов для некоторых периодов и некоторых регионов они подчас оказываются незаменимыми. Это особенно относится к позднему времени, когда антиквизирующая историография стала нарочито пренебрегать точными датами и хронологической последовательностью изложения. Впрочем, о ценности Малых хроник как исторического источника кратко, но вполне основательно информирует сам издатель (т. II, с. 52 сл.)⁴.

Естественно, что принципиально открыточные свидетельства Малых хроник приобретают значение лишь в контексте других более распространенных сообщений иных источников, и в каждой статье комментария обязательно перечисляются пассажи из византийских сочинений, упоминающих данное событие. Можно, конечно, пожалеть, что список этот не дополнен ссылками на произведения за-

⁴ Среди других сведений Малые хроники содержат сообщения и по русской истории и по истории народов, населявших в средние века территорию нашего государства. Интересующие пассажи хроник и соответствующие места комментариев современный историк легко найдет по весьма удобному и подробному индексу, построенному в отличие от аналогичных изданий не на греческой, а на немецкой основе.

Х. Г. Ἀγγελίδης. Ὁ Βίος τοῦ ὁσίου Βασιλίου τοῦ Νέου. Διατριβὴ ἐπὶ διδακτορία. Ἰωάννινα, 1980. 8⁺ + 223 с.

Докторская диссертация Христины Ангелиди посвящена Житию св. Василия Нового (ок. 866—944 гг.). Это Житие хорошо известно русским византистам и подробно изучено в связи с содержащимися в нем ценными сведениями о походе Игоря на Константинополь. Книга состоит из введения и трех частей. Во введении автор отмечает те изменения, которые претерпел жанр жития к изучаемому ею времени: для житий эпохи раннего христианства характерна описательность, главное внимание сконцентрировано вокруг личности святого, в то время как позже значительное место занимает историко-социальная среда, в которой подвизается святой.

Житие св. Василия Нового сохранилось во множестве рукописей, что свидетельствует об интересе к нему. Этот интерес, по мнению автора книги, связан с двумя «видениями» святого, представляющими собой готовые руководства народного богословия — в качестве таковых они отдельно переписывались и распространялись. Х. Ангелиди отмечает далее, что Житие св. Василия Нового стало одним из источников «Повести временных лет» и поэтому его переводы на славянские языки представляют определенный интерес. Автор останавливается на этих переводах, показывает происхождение каждого.

Житие св. Василия Нового, хотя и было опубликовано частично еще в XVIII в., стало предметом специального

исследования и восточных историков, однако такой труд превышал бы возможности одного исследователя-византиста. Надо при этом оговориться, что в самих статьях комментария основные западные и восточные источники учитываются достаточно полно.

Вообще второй том рецензируемого издания имеет самостоятельную научную ценность даже безотносительно к тексту самих хроник. По сути дела это обзор ряда событий всей византийской истории (нашедших, естественно, отражение в Малых хрониках) с обоснованием датировок, сравнением данных источников и ссылками на основную литературу. Многие из 2200 статей комментария превращаются в небольшие исследования или собрания и сопоставление материалов для будущего изучения с четкой формулировкой его предмета.

В столь обширном труде, принадлежащем перу одного исследователя, нельзя было обойтись без лагун, неточностей и простых опечаток, на некоторые из них удалось обратить внимание авторы рецензий. Дело, однако, не в них. Универсальность издания, полнота охвата материала, четкие методические принципы, научная объективность, удобство пользования надолго сделают эти три тома настольной книгой медиевистов, занимающихся историей Византии и сопредельных стран.

Я. Л.

Βασιλίου τοῦ Νέου. Διατριβὴ ἐπὶ διδακτορία.

исследования с начала XX в., особенно русскими учеными (А. Веселовский, С. Вилинский). В первой части монографии Х. Ангелиди говорится о рукописной традиции жития, о том, что данное житие является одним из подробнейших агиографических памятников, созданных после восстановления иконопочитания, что оно имело широкое распространение в поздней Византии и в эпоху турецкого владычества. Из 35 рукописей, содержащих Житие, 13 написаны на народном языке (начиная с XVII в.). Само собой разумеется, что автор при изучении памятника и восстановлении его текста основывается на рукописях, написанных на ученом языке. Х. Ангелиди изучает вопрос о редакциях Жития, вводит некоторые дополнения и коррективы в предложенном С. Вилинским, Ж. Да Коста-Луэй и Ф. Алкэвом разделении текста, отмечает существование пяти редакций текста, написанном на ученом языке, и трех — на народном. Далее говорится о композиции первоначального текста Жития св. Василия Нового.

Вторая часть книги посвящена личности св. Василия, биографическим данным, почерпнутым из его Жития, отношениям святого с его духовным (монахи, священники, патриархи) и светским (император, императрица, императорская семья, параклимен, сенаторы, военная знать, торговцы, ремесленники) окружением, его «чудесам». Х. Ангелиди изучает личность составителя Жития Гри-